

ПАРИЖЪ

На дворѣ была весенняя ночь, тихая и ясная. Мы возвращались съ тяти. Звѣзда Венеры указывала намъ путь. Сколько русскихъ охотниковъ и мечтателей любовались вечерней и утренней звѣздой, слушая шумъ разлива, голюса лѣсовъ и полей! Они грустили, надѣялись, любили, какъ и мы, и томились странной тревогою весенняго пробужденія... Мы шли молча, задумавшись, въ томъ особомъ настроеніи, какое бываетъ только русской весною, съ ея долгими сумерками и медленнымъ таяніемъ снѣговъ...

Но дома сразу исчезла всякая тоска: привѣтливо пылала кухонная печь, и шла хлопотливая жизнь, подвластная домашнимъ божествамъ. И такъ весело было отвѣчать на разспросы и рассказывать другъ другу о томъ, какъ и съ какой стороны тянули вальдшнепы, и почему было неудобно стрѣлять, и почему не нашли того, который упалъ въ осинникѣ на горкѣ.

Ночевать меня помѣстили съ Петромъ Ивановичемъ въ маленькой комнатѣ, гдѣ пахло сосной и сѣнными матрацами. Насъ освѣщала красный отблескъ углей. Было уютно, тепло и весело — впереди нѣсколько дней полной свободы. Завтра пойдемъ шлепать по весеннимъ лугамъ за утками. А сейчасъ наслаждаемся блаженнымъ отдыхомъ и безпредметнымъ созерцаніемъ. Въ сосѣдней большой столовой еще гремятъ чашками... Домъ понемногу замолкаетъ...

«Хорошо?» — спрашиваю я.

«Да, хорошо, дивно хорошо, но вотъ странно: въ Парижѣ, на большихъ бульварахъ, когда я сидѣлъ, задумавшись, въ кафѣ, я вспоминалъ и мечталъ обо всемъ этомъ: о Россіи, о

лѣсныхъ мелочахъ и болотцахъ; а здѣсь, когда вотъ такъ ночью лежу послѣ тяги, невольно вспоминается весенній Парижъ».

Я любилъ бывать на охотѣ съ Петромъ Ивановичемъ, насъ соединяло многое: поэзія природы, жадность къ жизни, любовь къ странствіямъ и приключеніямъ, страсть къ безконечнымъ разговорамъ. Какъ настоящіе русскіе люди, мы были сотканы изъ удивительныхъ противорѣчій: глубокомысленные философы и легкомысленные гуляки, лѣнливые созерцатели и нетерпѣливые искатели кипучей жизни, прирожденные холостяки и поклонники семейнаго уюта.

«Да, чувство Парижа — это особенная вещь. Я однажды видѣлъ французскую книжку подъ заглавіемъ: Любовь къ Парижу; прочесть не успѣлъ, да и содержаніе кажется было ничтожно, но заглавіе — гениально. Можно написать томы, дивные томы разсказовъ и размышленій подъ этимъ заглавіемъ. Вы знаете, Парижъ можно любить, какъ женщину, можно отдать ради него жизнь и совершить преступленіе. Многіе погибли въ Парижѣ, жили въ мансардахъ, въ нищетѣ, въ холодѣ, и оставались тамъ наперекоръ голосу долга и благоразумія, не отвѣчая на письма женъ и матерей. Парижъ — это опасный, таинственный, мистическій городъ; это даже не городъ — это стихія».

«А что, Петръ Ивановичъ, мы вотъ любимъ Парижъ, мечтаемъ о немъ, а можете вы сказать, что въ немъ такъ притягательно, за что, собственно, мы его любимъ?»

«За что? я часто себя спрашивалъ. Но любовь всегда любить живую безконечность, и никакое перечисленіе тутъ невозможно. Впрочемъ, объясняться въ любви — это счастье; и я говорилъ себѣ, что люблю его за дивную пластику формъ, воплощенную вездѣ: въ домахъ, въ площадяхъ, въ каштановыхъ аллеяхъ, въ гениально-вырѣзанныхъ силуэтахъ женщинъ, въ безошибочно элегантныхъ движеніяхъ мужчинъ, въ трогательно разукрашенныхъ дѣтяхъ, похожихъ на севрскія статуэтки. Я люблю его за смѣхъ и веселье, за цвѣты, и особенно за розы, за ароматы его духовъ, за южный свѣтъ весенняго дня

и дивно пылающіе закаты. Еще люблю старинный галльскій профиль, неизмѣнно сохранившійся отъ Франсиска Перваго до современнаго бритаго гарсона, люблю насмѣшку карихъ глазъ и позу чести, еще не исчезнувшее наслѣдіе рыцарства. Люблю французскую рѣчь, какъ нанизанный жемчугъ. Люблю любовь французской женщины, увѣренную и стремительную, какъ полетъ стрѣлы, люблю старинный французскій эротизмъ, разлитый вездѣ и во всемъ, и рождающій красоту. Но больше всего люблю чувство свободы, безконечность возможностей, царство фортуны и случая... *le hasard est grand!* — сказала одна женщина Парижа — не помню, въ жизни то было, или въ какомъ - то романѣ».

«А я, знаете, что думаю? не есть ли вся эта любовь къ Парижу въ концѣ концовъ любовь къ женщинѣ? къ одной, которая васъ тамъ поразила, или, быть можетъ, ко многимъ?»

Петръ Ивановичъ лежалъ на спинѣ и задумчиво курилъ сигару. Ея запахъ напоминалъ мнѣ заграничное кафэ, напоминалъ весело мчащійся вагонъ - ресторанъ.

«Конечно, кто не былъ влюбленъ въ Парижъ, тотъ его не знаетъ. Только любовь чужестранки можетъ открыть вамъ душу ея народа, стихію ея страны. Но, съ другой стороны, кто узналъ Парижъ, кто заглянулъ въ его притягивающую бездну, тотъ можетъ ради него забыть любимую женщину и всѣхъ женщинъ въ мірѣ. Хотите, я вамъ расскажу одинъ странный случай, который произошелъ со мною?»

Жилъ я тогда въ Москвѣ, но всѣмъ сердцемъ стремился въ Парижъ, чтобы увидать любимую женщину. Каждую ночь, засыпая, я видѣлъ ее передъ собою: видѣлъ ея сѣро - синіе глаза и золотые волосы; совсѣмъ золотые, какъ луйдоръ, вызывавшіе изумленіе. Я видѣлъ теплый тонъ ея лица, озареннаго рефлексами этого золота, какъ бы вѣчно освѣщеннаго лучами лѣтняго заката; я видѣлъ ея галльскую улыбку и слышалъ ея быструю, путанную рѣчь. Я перебиралъ въ умѣ различныя выраженія ея писемъ, которыя приходили изъ далекаго счастливаго Парижа въ Москву, на грязную Прѣсню. Они были написаны на лиловой бумагѣ и пахли геліотропомъ. А лежалъ я на своемъ вѣч-

номъ турецкомъ диванѣ и могъ видѣть въ окно морозныя звѣзды.

Ночью мнѣ снился Парижъ, какъ всегда непохожій на настоящій, но, однако, совсѣмъ реальный, и я провѣрялъ во снѣ, не сонъ ли это: я ошупывалъ парижскія деревья, трогалъ стѣны домовъ, плакалъ отъ радости и просыпался... Каждое утро, еще въ постели, когда мысль остра и умъ изобрѣтателенъ, я обдумывалъ свой отъѣздъ въ Парижъ. Я обѣщала ей пріѣхать на Рождество и писала объ этомъ въ каждомъ письмѣ. А переписывались мы со дня разлуки, съ іюля мѣсяца. Разлука и письма — это особая прелесть. Это важный моментъ въ развитіи большой любви. Не всякая любовь выдерживаетъ переписку, и первое письмо, полученное отъ женщины, можетъ сразу убить всякое увлеченіе.

Но вотъ я, наконецъ, и на брестскомъ вокзалѣ. Мать провожаетъ меня и креститъ, и глядитъ на меня тревожно и недовѣрчиво: странной кажется ей моя поѣздка, какъ впрочемъ и всякія поѣздки вообще. «Смотри, не простудись», — говоритъ она, стараясь застегнуть мое пальто; а сама она въ своей всегдашней котиковой шапочкѣ, обвязана большимъ платкомъ и въ такой шубѣ, что нельзя было бы показаться въ Парижъ.

Въ купѣ я оказался съ французомъ, комиссіонеромъ по шампанскому. Мы, коненчно, разговорились про Парижъ, и тотчасъ я убѣдился, что его Парижъ совсѣмъ, совсѣмъ не похожъ на мой Парижъ. Это былъ скромный семьянинъ, котораго дома ждали жена и дѣти, парижанинъ, годами жившій въ своемъ кварталѣ, котораго всѣ кругомъ знали и который всѣхъ зналъ. Шампанское — это было его метье, а потому онъ терпѣть не могъ ресторановъ, особенно ночныхъ, и ходилъ только въ одно ближайшее кафэ играть въ домино. Его Парижъ былъ провинціальнымъ Парижемъ мѣстнаго квартала. Онъ съ удовольствіемъ ѣхалъ домой, но ему невозможно было передать мое счастье, мою тревогу, мое ожиданіе. Парижъ вовсе не былъ для него стихіей, онъ былъ тихимъ пристанищемъ.

Да, каждый человекъ имѣетъ свой Парижъ, и иногда это очень глупый и безвкусный Парижъ. Какъ занятно бываетъ

слушать рассказы нѣмцевъ о Парижѣ, но еще занятѣе рассказы русскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, ѣдущихъ на недѣлю другую въ Парижъ и въ Ниццу, или впечатлѣнія русскихъ фабрикантовъ, совершавшихъ свадебное путешествіе. Иногда въ этихъ Парижахъ плохо кормятъ, плохо метутъ улицы, вездѣ грязно и неряшливо — не тѣ, что въ Берлинѣ — плохіе отели, невѣроятный и противоестественный развратъ, вездѣ публичныя женщины и публичные дома, всю ночь кутежи и оргіи, иногда среди гробовъ и скелетовъ.

Слушая все это, вы невольно вспоминаете огромный Парижъ, который мирно спитъ въ десять часовъ за чертою бульваровъ: звонъ шаговъ по пустынному асфальту, массивныя двери домовъ, подобныя крѣпостнымъ воротамъ, строгіе и бдительные портье... Это тотъ Парижъ, который названъ у Достоевскаго самымъ нравственнымъ городомъ въ мірѣ.

Ну, вотъ, значитъ, лежу я не верхнемъ мѣстѣ въ купѣ, закинувъ руки подъ голову, и думаю. Знакомо ли вамъ то особое переживаніе, какое бываетъ въ несущемся вагонѣ? Это удивительное чувство свободы и уединенія, когда вся ваша жизнь до этого момента, съ ея тревогами, страстями, огорченіями — сразу становится прошлымъ, отрывается отъ васъ и стоитъ въ неподвижной ясности; а будущее тоже гдѣ-то далеко передъ вами — стоитъ и ждетъ. И вы въ счастливомъ бездѣйствіи, оторванный отъ прошедшаго и будущаго, парите надъ жизнью. Вѣдь чѣмъ прекрасны путешествія? Они какъ бы даютъ чело-вѣку пережить нѣсколько жизней: онъ умираетъ для одной жизни и рождается для другой — прощается съ близкими, плачетъ, жалѣетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трепещетъ ожиданіемъ, страхомъ, надеждой. Если существуетъ переселеніе душъ, то оно, конечно, будетъ гораздо интереснѣе, чѣмъ всѣ наши земныя переселенія.

Приближался вечеръ, поѣздъ подходилъ къ Парижу... сердце стучало... Gare du Nord! Боже мой, сколько очарованія скрыто въ этихъ словахъ! Что вы чувствуете здѣсь, въ печальной и темной Россіи, произнося это „Gare du Nord“? Какая гордость, какая мощь міроваго города, какая свобода!

И еще таинственный зовъ, утренній трепеть отъѣзда, предчувствіе морского вѣтра . . .

Я помню Gare du Nord лѣтомъ — жара, свѣтъ, радость движенія. Теперь огромный каменный массивъ съ часами стоялъ темный и холодный; на площади туманъ, и подъ навѣсомъ жмутся автомобили . . . Наконецъ, я качаюсь на мягкомъ сидѣннѣ, вдыхаю бензинъ и въ упоеніи нагибаюсь къ открытому окну: вотъ онъ, настоящій, живой Парижъ! Его знакомые запахи, его привычныя мельканія . . . И я чувствую, какъ схватываетъ и несетъ меня эта могучая стихія . . . Никогда, сознаюсь вамъ, не переживалъ я такого вихря счастья отъ свиданія съ любимой женщиной, съ друзьями. Ничто въ сравненіи съ этимъ возвращеніе въ Россію послѣ долгой разлуки: то была сладкая печаль, грусть и умиленіе; здѣсь было веселье, рой надеждъ, чрезвычайное напряженіе бытія » . . .

Петръ Ивановичъ вскочилъ и сѣлъ на постели, его глаза блистали огнемъ фантазій, въ его лицѣ я видѣлъ отблескъ Эроса, этого безпокойнаго бога, бродяги и искателя приключеній . . . онъ схватилъ и понесъ наши души въ далекую милую Францію, и все исчезло для насъ: русскія весеннія звѣзды, свѣча и сѣнные матрацы . . . и всталъ Парижъ, блистающій всѣми огнями, звучащій всѣми криками и словами, доступными человѣчеству . . .

«Деревья стоятъ голыя, кафэ спрятали свою жизнь за зеркальные стекла, парижанки закутались въ мѣха. Все пронизано легкимъ туманомъ, какой бываетъ у насъ въ октябрьскіе заморозки. Онъ врывается въ окно автомобиля, какъ дыханіе далекаго океана; а фонари расплываются въ опалы, вывѣски блистаютъ рубинами . . . Вотъ столбы афишъ, бѣгъ газетчиковъ, каскетки, цилиндры, изгибы дамскихъ шляпъ, съ ихъ скрытымъ очарованіемъ! . . . вотъ парижскій мусоръ и мылья, намокшія бумажки рекламъ! . . . и все — порывъ, все — ритмъ, быстроту котораго я знаю, и въ который нелегко попасть. Сказаль бы: «остановись, мгновенье», если бы движеніе не составляло его жизнь, его сущность, его счастье.

Знакомый портъе, рослый, съ наглыми карими глазами и южнымъ акцентомъ, беретъ мои вещи и покровительственно устраиваетъ меня, несмотря на возраженія, въ крошечной комнатѣ: «временно, ибо все полно» . . . Я стремительно переодѣваюсь и бѣгу обѣдать. Мраморный столикъ, покрытый салфеткой, устрицы, вкусъ, и запахъ моря . . . терпкое, золотое вино . . . дивное вино парижской жизни! Я вижу, слышу, обоняю и глотаю стихію Парижа.

Послѣ обѣда я иду быстро, бодро, каждое движеніе есть радость и вдохновеніе, я не успѣваю думать, я только стремлюсь куда - то . . . куда? Конечно къ Сюзаннѣ! Сейчасъ я долженъ позвать автомобиль, но вотъ орѣга, вотъ бульвары . . . я попадаю въ этотъ вихрь жизни, который всегда изумляетъ, и невольно отдаюсь безцѣльному движенію. Я захожу въ *taverne Pousset* и за стаканомъ кофе, съ сигарой въ зубахъ, погружаюсь въ созерцаніе. Оркестръ играетъ изъ Самсона и Далилы. Узнаю блескъ и знойную экзажерацию французскихъ скрипокъ. Въ кафѣ жарко и тѣсно. Звуки плывутъ сквозь горячій и пряный туманъ.

Съ улыбкой счастья смотрю въ лицо напротивъ сидящей дамы, и она тоже начинаетъ мнѣ отвѣчать улыбкой подкрашенныхъ губъ. Сейчасъ она заговоритъ, но я соображаю, что мнѣ совсѣмъ не хочется говорить съ ней, и отвожу глаза. Я собственно хотѣлъ бы сказать ей, что безумно радъ Парижу, что все какъ будто для меня одного здѣсь житье и блещетъ и радуется, но я знаю отлично ея мысли, я знаю ихъ такъ же хорошо, какъ всѣ ея движенія: вотъ сейчасъ она откроетъ темно - зеленую сумочку и подкраситъ губы . . . а если я начну передъ ней объясняться въ любви къ Парижу, то это ей покажется скучнымъ и банальнымъ: она будетъ, впрочемъ, любезно улыбаться и скажетъ: „*tout le monde aime Paris.*“

Сюзаннѣ я тоже не могу говорить о любви къ Парижу. Она заставитъ меня рассказывать, какъ я стремился къ ней, какъ жилъ безъ нея, она будетъ рассказывать про свою маленькую жизнь. Въ ея душѣ, какъ въ зеркальцѣ ея ридикюля, я увижу маленькій Парижъ, гдѣ все знакомо, гдѣ ничто не вызываетъ

изумленія. Какъ же я буду говорить ей о великомъ Парижѣ, о томъ, который держитъ меня въ своихъ объятіяхъ? Нѣтъ, я долженъ еще немного побыть съ нимъ наединѣ. Мнѣ хочется сейчасъ носиться и бродить по его улицамъ, площадямъ, по тѣмъ, которыя бодрствуютъ, живутъ и блещутъ и по тѣмъ, которыя спятъ, покоятся во мракѣ по ту сторону Сены и хранятъ невѣдомыя тайны въ странныхъ своихъ закоулкахъ, мансардахъ и переходахъ. Вѣдь Сюзанна совсѣмъ не захочетъ странствовать по этимъ скучнымъ мѣстамъ. Она скажетъ: «знаешь, это вовсе не забавно (*ce n'est pas amusant, tu sais*).»

На другой день я проснулся рано, разбуженный счастливою тревогой: въ чемъ дѣло? отчего я такъ радъ? куда надо спѣшить? ахъ, да, я въ Парижѣ! Не сонъ ли это? Но вотъ коверъ, каминъ, часы Людовика XV, которые во всемъ Парижѣ остановились отъ счастья, вотъ чужой, иностранный запахъ и гудки автомобилей, несущихся какъ бы черезъ мою комнату... Я вскакиваю и распахиваю окно: туманъ, напротивъ закрытыя жалюзи, трепеть утра и чувство безграничной свободы! Какое счастье проснуться такъ одному въ чужомъ городѣ, когда еще молодъ, и когда кипятъ надежды!

Вотъ радостно улыбающийся гарсонъ, съ знакомой огромной чашкой кофе, онъ страшно доволенъ, что вы пріѣхали и обезпокоены необычайной далью и трудностями вашего путешествія, онъ спрашиваетъ, много ли снѣгу въ Россіи, и какъ открываются утромъ окна и двери, на ночь окончательно засыпанные снѣгомъ.

Быстро выбѣгаю я на улицу и все куда - то спѣшу... я хочу спѣшить вмѣстѣ съ парижскимъ утромъ. Все здѣсь бодро, все улыбается, все звучитъ привѣтствіемъ! Здѣсь молоды всѣ старики, здѣсь всѣ хотятъ нравиться другъ другу, и если еще нѣтъ рая всеобщей любви, то все же воплощена красота всеобщей любезности.

Трудно изобразить вамъ теперь, что я дѣлалъ. Порою я бездумно отдавался круговороту, какъ шарикъ, брошенный въ рулетку, а дни текли... Я потерялъ чувство времени. Какъ очарованный я смотрѣлъ на эту міровую сцену. Я угадывалъ

тысячи трагедій и комедій. Какое множество индивидуальных душъ, жизней, судебъ, міровъ! Все индифферентно другъ къ другу и непроницаемо, и все таинственно слито въ единую душу мірового города. Я осязалъ тѣло Парижа, его камни, его влагу, его деревья; я заглянулъ въ его душу, — заглянулъ и заглядѣлся, задумался, потерялъ волю . . .

И, замѣтите, драгоценны тѣ моменты жизни, когда вдругъ что — то вырываетъ вась изъ суеты и вы стоите, какъ очарованный, со взоромъ, прикованнымъ къ случайной свѣтлой точкѣ . . . въ эти минуты душа внимаетъ пѣснѣ жизни и постигаетъ невѣдомое . . . «О чемъ ты задумался?» — спроситъ женщина, или другъ. О чемъ? вотъ на это трудно отвѣтить.

Такъ и я тогда ничего не могъ объяснить, что дѣлалъ, чего хотѣлъ, о чемъ думалъ . . . Теперь только я вспоминаю, что въ этой потерѣ всѣхъ личныхъ цѣлей и заботъ было неисчерпаемое богатство и мощь бытія — моя душа какъ бы выросла до міровой души и слилась съ нею. И это было нечаянно, безъ всякихъ усилій, безъ философіи: просто налетѣло свѣтлое облако беззаботнаго созерцанія и заволокло суету души.

Я смотрѣлъ неподвижно, затаивъ дыханіе, хотя мое тѣло двигалось и бродило, и я думалъ: какое счастье видѣть! Предомной неслись хороводы душъ, избравшихъ свой жребій. Судьбу каждой я принималъ въ свое сердце и какъ бы переживалъ до конца въ мимолетномъ видѣніи. Я видѣлъ ясно жизнь этой дамы, ослѣплявшей взоръ драгоценной простотой своего наряда; она выскочила изъ бархатнаго футляра евоего автомобиля и исчезла въ зеркальномъ блескѣ дверей; полъ — дня она искала украшеній, какъ водолазъ ищетъ жемчугъ, а затѣмъ она осуществляла свою власть въ салонѣ, въ театрѣ, въ интригахъ, въ карьерѣ мужа, въ успѣхахъ любовника. Я читалъ судьбу этого журналиста, обѣдавшего противъ меня, въ короткихъ приказаніяхъ гарсону, въ прищуренномъ блескѣ насмѣшливыхъ глазъ, въ красныхъ и крѣпкихъ щекахъ, въ выборѣ вина . . .

Въ чемъ я могъ ошибаться? въ названіи улицы, въ номерѣ дома, въ имени любовницы; я могъ слегка перепутать жребій жизни, не угадавъ литеру каждаго по его глазамъ. Но я ви-

дѣль ясно смыслъ этихъ простыхъ символовъ. Среди множества однородныхъ попадались иногда индивидуальныя, загадочныя: вотъ львиная, сѣдая голова аббата въ національной библиотекѣ . . . вотъ сухой бритый старичекъ съ черной шапочкой на головѣ въ лавкѣ антиквара . . . они живутъ въ иномъ мѣрѣ, и эти иные мѣры живутъ въ нихъ.

А вотъ свиданіе въ кафэ, которое я никогда не забуду. Въ женщинѣ и мужчинѣ я сразу почувствовалъ большихъ актеровъ міровой сцены, ея героевъ. Вспомните, когда выходитъ настоящій артистъ — его нельзя смѣшать съ другими: всѣ становятся мелкими и некрасивыми. Женщина была высока и какъ-то антична, несмотря на парижскій костюмъ; мужчина былъ тоже высокъ, строенъ, молодъ, безъ усомъ и бороды. Такими я представлялъ себѣ Алкивіада. Удивительно, какъ цилиндры и широкія складки пальто могли воплощать такое изящество линий. Но главное, что озаряло ихъ лица и дѣлало богородобными — это сіяніе подлинной любви. Оно сразу было видно. Когда они вышли, я долго слѣдовалъ за ними, какъ очарованный.

И все-таки я былъ счастливѣе, чѣмъ они, въ томъ эмпиреѣ, куда залетѣлъ мой духъ какимъ-то чудомъ, и откуда онъ медлилъ спускаться. Жребій моей жизни былъ забытъ и лежалъ на землѣ неподвижно. Но самъ я чувствовалъ какое-то странное могущество всемірнаго художника и соверцателя. Душа моя безконечно размножилась, влилась во всѣ души и растеклась до предѣловъ вселенной; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не теряла своего творческаго центра, откуда духъ какъ бы игралъ образами — фантазировалъ, угадывалъ, шутилъ . . .

Конечно, все это могущество кажется мнѣ теперь фантастическимъ, иллюзорнымъ, неспособнымъ согнуть былинку. Но тогда я переживалъ его, какъ счастливую полноту и силу. Я вспоминаю слова какого-то индуса, что отрѣщенный становится всемогущимъ и можетъ коснуться луны кончикомъ пальца.

Скоро мнѣ пришлось, однако, упасть на землю. Во время своихъ странствій я встрѣтилъ около Comédie Française жен-

щину, которую на мгновенье принялъ за Сюзанну; это не была она; но ея отблескъ, ея подобіе заставило меня покинуть божественный Эдемъ, гдѣ я находился, и устремиться на землю въ жаждѣ воплощенія. Я вспомнилъ счастливыхъ любовниковъ, которыхъ только что видѣлъ, и подумалъ, что наша любовь не менѣе прекрасна. Мнѣ блеснули синіе глаза Сюзанны и теплое золото ея волосъ. И сразу все исчезло для меня, весь Парижъ воплотился въ нее одну. Я увидѣлъ ея комнату, ея зеркала, духи, кольца, гребни... Немедленно я написалъ *petit-bleu*, какъ было условлено. Я даже забылъ, когда пріѣхалъ, и мнѣ искренне казалось, что это было сегодня.

Свиданіе было назначено послѣ обѣда. Оставалось еще пять часовъ ожиданія. Сначала я не могъ сидѣть дома. Я выдумывалъ себѣ мелкія дѣла: я разыскивалъ розы, которыя она любила, и вишни, пропитанныя виномъ... Наконецъ я вернулся въ отель и сталъ ждать въ уединеніи. Я смотрѣлъ въ окно, стараясь издали угадать ея автомобиль. Я зналъ, что онъ повернетъ на углу, замедляя движеніе.

Какъ - то это будетъ? Въ страстномъ ожиданіи всегда есть тревога. Кто же не знаетъ, что въ жизни случается несовѣмъ такъ, какъ мы предвидимъ? И я стараясь угадать это «не такъ». Ея могло не быть дома, и мое *petiti-bleu* лежитъ нераспечатаннымъ... Я вспомнилъ, какъ однажды я ждалъ Сюзанну на *place Bastille*, и какъ разразилась гроза. Этого мы вовсе не предвидѣли; но она пріѣхала и выпрыгнула изъ ауто подъ потоками весенняго счастливаго дождя.

Я все смотрѣлъ, прижавшись къ стеклу. Автомобили неслись -- равнодушные, чужіе... въ однообразной смѣнѣ, мимо и мимо... Но, Боже, наконецъ! одинъ рѣзко замедляетъ ходъ, трубить и радостно затихаетъ у подъѣзда...

Сюзанна! Ея золотые волосы! вся она!

Ах! кровь застучала въ вискахъ...

Я бѣгу корридоромъ, спускаюсь по лѣстницѣ. На половинѣ: портъ съ запиской въ рукахъ:

«Лисьмо отъ мадамъ»...

«Какъ? она идетъ?»

«Мадамъ уѣхала».

«Куда уѣхала?»

Бѣгу съ письмомъ внизъ. Сюзанны нѣтъ... Я выбѣгаю на улицу: попрежнему мчатся мимо равнодушные автомобили... разрываю конвертъ и читаю:

«Ты уже давно въ Парижѣ, и ты солгалъ. Я все поняла. Не ищи меня. Я тебя забуду. Сюзанна.»

Растерянный и разбитый я возвращаюсь и глупо спрашиваю у портъе: «Зачѣмъ же она уѣхала?»

Каріе глаза портъе смотрятъ на меня насмѣшливо. Пожимая плечами, онъ говоритъ:

«Мадамъ не разъ спрашивала васъ, но васъ никогда не было дома».

Комната, въ которую я вошелъ, была мертвая. Вишни и цвѣты были ненужны. Я схватилъ шляпу и выскочилъ на улицу... Парижъ былъ совсѣмъ чужой — сѣрый, каменный, холодный. Ненужныя газеты, афиши, цилиндры... Лица странныя, наглыя, покрашенныя и нафабреныя... Мишура магазиновъ...

«Я никогда Сюзанны больше не видалъ...»

«Да неужели же вы ее не отыскали? не объяснились?»

«Представьте, нѣтъ!»

«Но это странно! Что же вы сдѣлали, наконецъ, — остались въ Парижѣ или уѣхали?»

«Вышло, дѣйствительно, нѣсколько странно: не такъ, какъ у Тургенева — я не очутился въ вагонѣ и не смотрѣлъ на дымъ съ разбитымъ сердцемъ. Я остался. И даже пережилъ нѣчто особенное, что сохранилось на всю жизнь. Я измѣнилъ ей ради Парижа и ради чего-то большаго, чѣмъ Парижъ, и это большее меня спасло... Но сначала было очень больно!»

Я никогда не забуду этотъ первый вечеръ покинутости и одиночества. Я имѣлъ друга въ Парижѣ и хотѣлъ пойти къ нему. Но потомъ мнѣ стало стыдно плакать у него на плечѣ. Вѣдь это былъ французъ — насмѣшливый, мужественный, циничный: онъ ненавидѣлъ сентиментальность, презиралъ толпу

и былъ роялистъ. На женщинъ смотрѣлъ скептически, такъ какъ былъ большой Донъ - Жуанъ.

Я вспомнилъ, какъ онъ мнѣ сказалъ однажды: «Когда вась бросить любимая женщина, закурите хорошую сигару, и затопите каминъ — это лучшая минута для философіи... всегда будьте благодарны женщинамъ, которыя вась бросаютъ: онѣ самыя лучшія, и вы ихъ будете помнить. Остальныхъ приходится бросать самому, и онѣ забываются».

Улыбнувшись этимъ мыслямъ, я дѣйствительно купилъ сигару въ маленькомъ «табачномъ бюро»; моросилъ дождь, и я дрожалъ отъ холода. Вернувшись домой, я велѣлъ зажечь каминъ. Я обожаю огонь, особенно, когда одинокъ и печалень. Розы и вишни еще стояли на столѣ. Я сталъ ихъ бросать въ огонь по одной. Вишни, пропитанныя коньякомъ, горѣли синимъ, небеснымъ пламенемъ... розы горѣли иначе и издавали странный аромат. Это были чайныя розы, и я вспомнилъ, какъ однажды лѣтомъ, у Мадленъ, подъ проливнымъ дождемъ, я покупалъ такія же розы для той самой женщины, которую я бросилъ ради Сюзанны; я дѣйствительно ее совсѣмъ забылъ...

Стихійный вихрь моей юности какъ бы сразу пронесся предо мной. Я вспомнилъ студенческіе годы и ту русскую дѣвушку, которую я любилъ. Она тоже бросила меня, и почему? Это навсегда осталось для меня тайной. И мнѣ нравилась эта тайна. Пронеслись предо мною романы русскихъ юношей и русскихъ дѣвушекъ, съ ихъ безконечными разговорами и письмами, съ ихъ взаимнымъ выматываніемъ души... А мой жертвенникъ курился страннымъ фиміамомъ, я слѣдилъ за таинственными струйками, бѣгущими вверхъ. Кто же бросаетъ въ огонь розы, живыя розы? Да, то была настоящая жертва. Какому богу? Невѣдомому богу, не знаю его имени, но знаю, что это онъ похитилъ меня въ царство задумчивости и созерцанія, онъ отнял Сюзанну и показалъ иной Парижъ, дивно преображенный. Я вспомнилъ счастье своего пріѣзда, счастье первыхъ дней, столь непохожее на все, что было въ моей жизни, и мнѣ захотѣлось вернуть его. То не былъ хо-

лодь и безстрастіе отрѣшенности — тамъ были и смѣхъ и слезы, но совсѣмъ иные, не похожіе на человѣческіе!

А Парижъ гудѣлъ за окномъ, блисталъ, трепеталъ, любилъ, страдалъ, жилъ. Онъ жилъ своей, безконечно древней и многосложной жизнью. И я понялъ, что здѣсь, въ центрѣ міровой жизни, нужно побѣдить жизнь, здѣсь нужно побѣдить себя и найти новый и высшій центръ духа. Вотъ почему я остался въ Парижѣ и съ тѣхъ поръ вѣренъ ему всегда. Вы видите, французъ былъ правъ: моментъ былъ самый подходящій для философіи!»

Б. Вышеславцевъ.